

ЗНАМЯ
г. Калуга

27 МАР

В юности у Владлены Николаевны Попеловой не было проблемы выбора профессии. Все было решено еще в раннем детстве: буду актрисой. Взрослые с удовольствием слушали, как она читает и поет, смотрели, как танцует, но снисходительно посмеивались: все девочки в детстве мечтают быть актрисами.

В те годы при Архангельском областном драматическом театре было училище, куда принимали после окончания средней школы. Приемная комиссия, преподаватели удивились, когда четырнадцатилетняя девочка потребовала допустить ее к экзаменам. Ей объясняли, ее отговаривали от такой затеи. Но в конце концов допустили к вступительным экзаменам в порядке эксперимента, как полагали, безнадежного.

Но Владлена отлично сдала экзамены, поразив всех способностями и любовью к театру. Архангельская областная газета тогда писала о ней как о феномене: «принята в порядке исключения». Один из преподавателей училища, режиссер Игорь Дмитриевич Кадугин, все время подшучивал над «невеличкой с косичками».

В их большой семье, где мать с отцом, оба неизлечимо больные, растили четверых детей, дети попеременно пользовались большой самостоятельностью. Владлена была старшей из дочерей, и на ее долю приходилось немало семейных хлопот.

Тот год она жила, не веря порой в собственное счастье: занятия в училище, спектакли, репетиции, встречи с интересными людьми. Театр... Но он оказался таким коротким, этот 1940—41 учебный год.

Когда началась война, училище закрыли. Многие ушли на фронт, Владлена только-только получила

паспорт. Вместе с другими комсомольцами города поехала на лесозаготовки. Лучковая пила, изодранная телогрейка, дырявые валенки, на которые для тепла надевались большие лапти, скудный паек и цинга — так началась в ту пору ее жизнь. От цинги открылась полученная в детстве рана. Восемь тяжелых больничных месяцев...

Только сумела встать на ноги, пришла в горком комсомола: дайте работу. Направили воспитателем в детский сад. Детишек эвакуировали из города, который постоянно бомбила вражеская авиация.

Архангельск горел, и зарево было видно издалека. — Лена Николаевна, и наш дом горит? — спрашивали малыши.

Там, в таежной деревушке, она была для них всем — и мамой, и воспитательницей, и защитницей. И больше всего хотела защитить их от страха, хотя боялась не меньше, чем они. Здесь пригодился ее актерский талант. Впрочем, она была и сценаристом, и режиссером...

— Мне нужно было их отвлечь чем-нибудь. Я говорила без умолку, постоянно пела, что-то рассказывала, играла с ними. Сказки придумывались сами собой. Когда спрашивали, что дальше, фантазировала по заказу. Бывало, начну рассказывать с утра сказку, а к вечеру только закончу.

И песни мы пели с ними. Самая любимая была «Вставай, страна огромная»...

Пригласили работать экономистом в контору Главнефтеснаба. Трудно было расстаться с ма-

ЛЮБОВЬ МОЯ, БОЛЬ МОЯ...

лышами. Но погиб на фронте старший брат. У больных родителей, братишки с сестренкой Владлена осталась главной опорой.

Контора была неподалеку от детского сада. Возвращаясь с прогулки, малыши выстраивались под окном и хором кричали:

— Лена Николаевна! Выгляни в окошко!..

У «Николаевны» наворачивались на глаза слезы и хотелось убежать в другую комнату, но женщины в конторе притворно сердито говорили:

— Иди-иди, работать невозможно...

— Знаете, какой самый дорогой подарок в жизни я получила? Луковицу. Вы можете представить, чем тогда был лук в Архангельске? Родителям одной моей девочки его в посылке прислали. Девочка просила одну луковицу у мамы и принесла мне. Разворачивает бумажку — а луковица теплая, видно, долго в ладошке держала. Золотистая, с прозрачной кончикей...

Война, голод, семейные заботы не заслонили любви к театру. Ходила по госпиталям, читала стихи раненым, пела песни. А в 1944-м открылась студия при театре. Трудно было, но Владлена не смогла преодолеть себя.

Вновь театр. Снова жизнь как во сне, счастье любимой работы. Днем — занятия, вечером — во вспомогательном актерском составе. Находила время и для комсомольской работы — была заместителем секретаря комсомольского бюро. Вступила кандидатом в члены партии.

Играла Агафью Тихоновну в «Женитьбе» Гоголя, Ларису в «Бесприданнице». Начали готовить дипломный спектакль...

В 1946-м умерла мать. На попечение Владлены остались больной отец и двое ребятшек. Голодно. Все, что было в доме ценного, продано. Хлеб по карточкам. Братишка и сестренка, худе-

ющие, бледные, в пальтишках рукава по локоть...

— Мне трудно вспоминать тот день. Я пришла и преподавателю и говорю: «Понимаете, мне нужно денег заработать. Я поеду на заработки, а через полгода вернусь... Вы примете меня опять?»

Такая отчаянная надежда у меня была, что за полгода я заработаю столько денег, сколько нужно, чтобы ребятшек на ноги поднять. А потом вернусь. Преподаватель посмотрел на меня. Так посмотрел, как будто уже тогда все знал заранее:

— Полгода? Конечно, поезжай. Ведь полгода — немного. Возвращайся...

Она вернулась через год. Брат с сестрой встретили ее, привели в чисто прибранную комнату, где на столе стоял начищенный до блеска самовар.

— Вот, — сказали. — Только чаю, Владенка, нет. И к чаю тоже ничего нет... Мы как получили письмо, что ты приедешь, очень обрадовались, хлеб по карточкам за три дня выкупили и съели...

Умер отец. Братишка она взяла с собой. Сестренку устроила на работу в Архангельске, поручила знакомым.

Потом — замужество, и началась для нее нелегкая жизнь офицерской жены с постоянными переездами, тревожными ожиданиями, переменной профессией. Без дела она не умела сидеть.

— В Таллине я работала учителем домоводства в школе. За время наших переездов всевозможные курсы успела закончить. Да и нравилось мне это дело. Когда в Калугу переехали, тоже стала преподавать домоводство в 9-й школе. Так до пенсии там и доработала...

А театр во мне до сих пор живет. Он — боль моя, любовь моя. Ни одного спектакля спойно не смотреть не могу. Я каждую роль про себя играю... Я и во сне играю...

Приехав в Калугу, Владлена Николаевна Попелова начала заниматься в драматическом коллективе Дома работников просвещения. Здесь ставили «Машеньку» Афиногенова, «Память сердца» Корнейчука. А когда организовался литературный театр, который сейчас носит почетное звание народного, всю свою любовь, свою неосуществленную мечту, свою страсть к театру отдала ему.

— Уже много лет прошло. Целых пятнадцать. Но я по-прежнему влюблена в этих людей, в нашего режиссера. Наши товарищи на репетиции и спектакли после работы приходят. Но идут, как за плотком живой воды. И не только те, кто играет. Ведь кто-то занавес поднимает, музыку записывает, с костюмами занимается.

Я восхищаюсь ими. С ними возраста своего не чувствую.

Ее любят в литературном театре как-то по особенному. Когда приходит Владлена Николаевна, вся атмосфера становится строгой, торжественной, празднично-творческой. При ней не закурят, не обмолвятся жаргонным словечком.

— Рядом с ней нельзя сфальшивить, схалтурить, потому что она сама правдива и искренна. Она не риг в искусство. Верует, — говорит о Владлене Николаевне режиссер театра Л. К. Кудрявская. — С ней почти не приходится работать, она все прорабатывает сама, понимает сама, сама находит выразительные средства. Каждую фразу, сказанную ею со сцены, можно разобрать до последнего звука и не найдешь ни малейшей фальши или равнодушия.

— Вы думаете, что на пенсии времени девать некуда? Мне его не хватает. Вот сейчас пришла из школы, с партийного собрания. Я там — председатель совета ветеранов. Готовимся к комсомольскому школьному собранию «Равнодушию — бой!». Я в школе часто бываю. Приехала. А репетиции, спектакли, вники... Ведь у меня трое внуков! Недавно с одним я на 400-летие Архангельска ездила. Чтобы моими глазами он его увидел. И снова влюбилась в этот город. Смотрела кругом и думала: когда ж годы пролететь успею? Все кругом — другое. А старости вроде и нет...

Возраста во Владлене Николаевне действительно не чувствуется: походка молодая, голос молодой. Общественными делами занимается с увлечением.

Но главное, сумела она пронести через годы свою любовь к театру, свою любовь к людям.

Н. ТОРБЕНКОВА.
Фото Ю. Дружинина.